

Remark:

This is probably the fragment of an Abbasid dirham from the turn of the II-nd and III-rd cc. H. = beginning of the IX-th c. A. D.

On the reverse graffiti made with a sharp tool¹⁷.

¹⁷ Ulla S. Linder-Welin, *Graffiti on oriental coins in Swedish Viking Age Hoards*, „Meddelanden från Lunds Universitets Historiska Museum“, Lund 1956, pp. 149—171; the graffiti resembling a runic inscription appeared also on the dirham from Bardy distr. Kołobrzeg, described by A. Kmietowicz, F. Kmietowicz, *Dirhems de trésors polonais...* „Folia Orientalia“, vol. IX, p. 319.

Я. Р. ДАШКЕВИЧ, Э. ТРЫЯРСКИ

АРМЯНО-КЫПЧАКСКИЙ ДОКУМЕНТ ИЗ КОНСТАНТИНОПОЛЯ 1618 Г.

В отличие от опубликованных раньше на страницах восточноведческих изданий кыпчакско-польских билингв из львовских собраний¹, сегодняшняя публикация имеет несколько особый оттенок. Уникальный характер билингвы определяется тем, что документ 1618 г. — единственный до сих пор известный письменный памятник на армяно-кыпчакском языке, составленный вне пределов средневековой Речи Посполитой, вне пределов существовавших на ее территории армянских колоний. Написанный в Константинополе документ, удостоверенный подписями пятерых армянских купцов, является важным свидетельством того, что и далеко за пределами довольно узкого, по-видимому, в первой половине XVII в. ареала армяно-кыпчакского языка, можно было найти лиц, владевших этим языком и даже составлявших документы на нем.

Итак, в Центральном государственном историческом архиве СССР во Львове² хранится следующий документ на армяно-кыпчакском языке 1618 г. и современный ему перевод на польский язык.

А. Армяно-кыпчакский текст

1. Anun A[sdudzô]y
- 2 zamanında x[a]čk[o] sêrépk[o]viç neçik k'arvan bašinın natênças
barça
- 3 ioldaşlardan tanlangan k'elip stimb[olga] d[iar]n 12 Iuni biz aşıya
- 4 iazılğanlar vlaşnıy xollarımız bila zênnavat êtip bériyirbiz
- 5 bu atêstacıyanı p[a]n ivašk'o iakub oylu vartêrisoviciñin

¹ См. „Rocznik Orientalistyczny“, XXXIII, 1, с. 77—96, и XXXIII, 2, с. 67—107.

² В дальнейшем ЦДИА.

- 6 xoltxasi usna k'i ol k'ielgaçox stımbolga goronciy instanciya etip bizni
 7 zobrat etip k'ieltirdi xatımızga xaraxaş çelebini iakubnu biçaxçıni
 8 vė dalallardan madžarik'o isak' uri almuliy sasanik'onu xaysilari
 9 pod sumniēniēm ayttilar aval xaraxaş k'i manga p[a]n ivašk'o bėrip
 10 xolıy edi k'i algaymėn t'angri amanatı da satk'aymėn muštėri bulsam
 11 iakub biçaxçı xaysinda şlamalar idi bu turlu zėznat etti k'i
 12 ivašk'o bėnda amanat xaldirdi rėyin diugul da aytmadı k'imsaga
 13 bėrma çax k'iensinin bitik'i k'ielmaginça anın uçun bėrmadım k'onu
 k'i mən-
 14 dan p[a]n awedik' awedik'oviç k'liedi aytip k'i bėnim dir ol şlamalar
 evėt
 15 mən xorxup tıurk' torasından na aytım k'i rėyin dir k'i xolumdan
 almagay
 16 evėt diugul idi rėyin tək' amanat allay bilir alay-žė ioyari
 17 mianovanıy dallalar bizim bitnostumuzda şayitliş bėrdilar
 18 bėrgandan songra iak[ub] biçaxçı k'ieltirip amanatın 45 d[ž]u[ft] şlamani
 19 bizim alnımızga oddat etti k'iendi principalına ivašk'oga ol da ek'z
 20 nong p[a]n mišk'oga awedik'oviç'a da p[a]n holubnun oylu p[a]n
 anastask'a
 21 bizim ianımızga oddat etiy edi aytip alinız songra aytmagaysız k'i
 22 bėrmadı almasanız mən k'ierak' eltk'aymėn da artıx abıntayır etman
 giımmruk'
 23 xaçırmaşına bunda giımmruk' bar asta alayox alar k'lamadılar xabul
 24 etma neni k'i tanıxlattı bizim bila t'ek'rar k'ietar ayax 2 k'işi iėbėrdi
 25 p[a]n xaçk'onu sėrėpk[o]viç da p[a]n grėsk'onu d[ž]r luk'aş oylun
 upominat etip k'i
 26 prės to p[a]n holubga bir zarar bolmagay ol-žė d[ž]uapnı neçik' aval
 bėrip
 27 k'lamadılar xabul etma bu xadar dir bizim bitnostumuzda bunu da
 28 iştitiş k'i barıp edilar xaxamlarga songra francusk'i elçiğa da
 andan da
 29 atėstacia aldilar evėt biz anda diugul edix [...] bu dur
 30 bizim alnımızga bolgan ne uçun vlasnı xolumuz bila iazıldix [...]
 31 atım[iz] d[iar]n 26 İuni A. 1618
 32 x[a]çk[o] mik'laş oylu grisk'o d[ž]r luk'aş vartik' pėtrė ohlu
 tanıx
 33 bu atėstaciaga ohlu tanıx bu tanıx bu atėstaciaga
 [подпись]
 34 mišk'o iv[ašk'o] ohlu atėstaciaga [подпись]
 35 tanıx bu atėsta- gurıey diradur
 36 çiiagay [подпись] ohlu tanıx

[Надпись на обороте:]

at'ėstaciya p[an] ivašk'o i[a]k[u]b oylu vartėrisoviçk'a bėrilgan stımbold[a]
 A. 1618. „Аттестат данный господину Ивашко, сыну Якуба, Варте-
 ресовичу в Стамбуле 1618 г.“

Feria tertia ante festu[m] s[ancti] Mat[t]hei ap[os]t[oli] 1618³,
iudicii Armenici.

Hoc debet comburi quia a nemine perlegi potest.

W [...] ⁴ respe[c]tu Zubrza.

Słowko ptaszkiem wyleci, lecz choc sto par koni zaprzęzem, już
go nikt z nas więcej nie dogoni.

ЦДІА, ф. 52, оп. 1, спр. 863, арк. 7. Оригинал.

Б. Польский перевод

In nomine Domini.

Za czasu Christopha Serepkowica, iako na ten czas karwan-
bassego od wszystkiego towarzystwa obranego, przyiachawszy do
Constantynopola die 12 iunii.

My, nizey własnymi rękami podpisani, zeznawiając, daimy tę
attestatia [!] panu Iwaszkowi Iakubowicowi Warterisowic na in-
stantią y prosbę onego gorącą.

Skorosmy przyiachali do Constantynopola, zebrawszy nas,
stawil przed nami Charachasza Czelebyia y Jakuba Noziownika,
a z metlirzow Madziarika, Isaka Uri, Almule Sasanika, którzy
pod summieniem powiedzieli.

Naprzod Charachasz zeznawał: Isz pan Iwaszko dawał, pro-
sząc mię, abym szlamy rysie w amanat wziął y, kupca na nie
dostawszy, przedał.

Iakub Nozownik, u ktorego te słamy były, tak zeznał: Iz
Iwaszko u mnie amanat, to iest deposit, zostawił, a nie w za-
stawie, takim sposobem, abym nikomu ich nie wydawał, polubym
pisanie od nie[g]o nie miał. Dla tegom tez nie wydał. Prawda to,
iz się ich u mnie pan Awedyk Awedykowic domagał, mówiąc: Iz
dai mi, bo to moje są szlamy. Ale ia, bojąc się prawa tureckiego,
tedym powiedział: Iz to iest w zastawie u mnie, zeby mi z rąk
nie wzięto. Ale nie było to w zastawie, tylko amanat, to iest
deposit, co i Bog lepiej wie.

Takze zwysz mianowani metlirze przed obecnością naszą
swiadectwo wydali.

Po takowym zeznaniu Jakub Nozownik, przyniowszy amanat
ten, to iest 45 par szlam, przed nami oddał swemu pryncypałowi
Iwaszkowi.

³ 18 сентября 1618 г.

⁴ Одно слово зачеркнуто.

A on tez ex nunc panu Mikołaiowi Awedykowicowi y pana Hołubowemu synowi Anastasowi przy nas oddawał, mówiąc: Wescie, zebyście potym nie mowili, ze nie dawał, a nie wezmiecie li, tedy ia ich musze odwiesć, ale na abentaier wiecey wazyć nie będe, uchodząc mytha — tu iest mytho, w Jasiech takze.

A oni nie chcieli wziąć y nie pozwolili.

Co oswiadczył nam i znowu dwóch ludzi posłał przed wyiazdem — pana Christopha Serepkowica y pana Grzeska Der Łukaszowica — upominając, aby przes to panu Hołubowi iaka szkoda nie była.

Takze odpowiedzieli iako y przedtym, y przyiac nie chcieli. Tak wiele się toczyło przed bytnością naszą.

Y tośmy słyszeli, iż chodzili do chaczamow, potym do posła francuskiego y tam attestacie otrzymali, aliesmy my tam nie byli. To się działo przed nami.

Na to się własnymi rękami podpisali w Constantynopolu die 26 iunii anno 1618.

Chrystoph Serepkowic, swiadek do tey attestaciey m[anu] p[ropri]a,

Grzesko Der Łukaszowic, swiadek do tey attestatiey,

Mikołay Iwaszkowicz, swiadek do tey attestatiey m[anu] p[ropri]a,

Kuryło Diradurowic, swiadek,

Wartyk Piotrowic, swiadek do tey attestaciey.

ЦДІА, ф. 52, оп. 3, т. 521, с. 1061—1062. Заверенный перевод с армяно-кыпчакского.

В. Русский перевод

В имя Господнее

В то время, когда Хачко Серебкович, избранный всеми товарищами, был начальником каравана, мы, собственными руками нижеподписавшиеся, приехав в Стамбул 12 июня, свидетельствуем и даем этот аттестат господину Ивашко, сыну Якуба, Вартересовичу, по его желанию и горячей настойчивой просьбе, с которой обратился [к нам].

Как только мы приехали в Стамбул, собрав нас, поставил перед нами Харахаша Челеби, Якуба Бичакчи [= „Ножовника“] и из

посредников Маджарика, Исака Ури, Алмули Сасаника, которые, ругаясь совестью, сказали [следующее].

Первый Харахаш [сказал], что: „Господин Ивашко просил меня, чтоб я взял [меха в] Божий депозит и продал, если я найду покупателя“.

Якуб Бичакчи, у которого меха находились, признал таким образом, что: „Ивашко просил оставить у меня депозит, а не залог, и сказал, чтоб я никому не давал до тех пор, пока не придет от него письмо. И поэтому я не давал. Это правда, что господин Аведик Аведикович требовал их от меня, говоря: «Эти меха мои». Но я, опасаясь турецких законов, сказал так, что это залог, чтоб их из моих рук [никто] не взял. Но это не был залог, а депозит — Бог [это] знает“.

Также и вышеупомянутые посредники дали в нашем присутствии свидетельские показания.

Потом Якуб Бичакчи принес депозит — 45 пар мехов — и перед нами отдал своему принципалу Ивашко оглу.

Он сразу же, перед нами, отдавал [их] господину Миско Аведиковичу и господину Анастасу Голуб оглу, говоря: „Берите, чтоб вы потом не сказали: «Он не дал». Но если не возьмете, мне придется отослать, но больше авантюрам подвергать себя не буду, уклоняясь от мыта, [ведь] оно и здесь, и в Яссах“.

[Но они] не хотели принять.

Это он повелел нам [букв. вместе с нами] засвидетельствовать. Снова послал перед отъездом двух человек: господина Хачко Серебковича и господина Греско, сына дер Лукаша, уговаривая, чтоб вследствие [этого] не причинить вред господину Голубу.

Они дали ответ такой же, как раньше и не хотели принять.

Все это [случилось] в нашем присутствии.

И мы слышали, что они ходили до раввинов, потом к французскому послу и оттуда также взяли аттестат. Но нас при этом не было.

Все это произошло в нашем присутствии, на что мы собственными руками подписались.

В лето Господнее 26 июня 1618.

Наши имена:

Хачко Миклош оглу — свидетель этого аттестата,

Гриско дер Лукаш оглу — свидетель этого аттестата,

Вартик Петре оглу — свидетель этого аттестата,

Миско Ивашко оглу — свидетель этого аттестата,
Гурег Дирадур оглу — свидетель.

Ознакомление с содержанием документа, а также с обстоятельствами, связанными с его составлением и внесением перевода в книгу армяно-польского суда во Львове, раскрывает ряд любопытных деталей, связанных с историей восточной торговли Львова — одного из важнейших средневековых центров торговли между Востоком и Западом.

Вкратце об обстоятельствах, вызвавших возникновение опубликованного выше документа.

В июле 1617 г. со Львова в Константинополь отправился купеческий караван. В составе этого каравана находился львовский армянский купец Ивашко Якубович Вартерисович (Warteryszowie, Wartyrysiewicz, Warteryszowie, Wartyryssewie, Warterisowic)⁵, который захватил вместе с собой — по просьбе своего дяди, старейшины львовских армян Голуба Ивашковича — для продажи в Константинополе 45 пар шведских рысьих шкурок (slamy rysie, szlamy rysie, slamy rysie; pelles pantherinarae). В соответствии с письменной просьбой Ивашковича от 21 июля 1617 г.⁶, Вартерисович должен был продать меха в Константинополе или же обменять их на парчу. Во Львов он должен был вернуться с золотом (как говорится в документах), но не с товаром.

Ивашко Вартерисович вернулся во Львов в конце 1617 или в начале 1618 г. — однако без денег и без шкурок. 6 февраля 1618 г. Голуб Ивашкович обратился в львовский армяно-польский суд с жалобой⁷. Ивашкович утверждал, что передал шкурки на правах депозита (deposit, amanat) и вручил ему письменную инструкцию (auszug, memoriał, instructio, informatio — все адекватные термины, согласно данным судебного разбирательства) об условиях продажи. За продажу шкурок Ивашкович обещал будто бы Вартерисовичу определенное вознаграждение. На суде, 20 февраля

⁵ В соответствии с практикой, существовавшей в армянских колониях в XVII в., Якубович — по отцу, Вартерисович — фамилия, утратившая уже свой патронимикальный характер (т. е. Вартерес — имя деда или даже прадеда Ивашко).

⁶ ЦДІА, ф. 52, оп. 3, т. 521, с. 960—962.

⁷ Там же, с. 885—887.

1618 г., Вартерисович отрицал свою вину⁸. Он заявил, что товар принял от своего дяди Ивашковича не как депозит для заработка, а только на его просьбу, для продажи без каких либо обязательств. Шкурки не смог продать, оставил их у „хорошего друга“ в Константинополе — привезет их обратно после очередной поездки в Турцию.

С этим объяснением Ивашкович не согласился. 2 марта 1618 г., обвиняя Вартерисовича в нарушении инструкции (которая, в соответствии с купеческими обычаями того времени, считалась юридически оформленным договором двух сторон), он требовал компенсации за шкурки в сумме 1150 злотых. Ивашкович явно не верил Вартерисовичу, что тот вернет шкурки, так как они, будто бы, очутились не в руках „хорошего друга“, а в руках константинопольского еврея Якуба Бичакчи (Ножовника), которому Вартерисович был должен деньги. Приехавший из Константинополя греческий купец Константин подтвердил, что Якуб Бичакчи отказывается выдать шкурки⁹.

Разбор дела несколько затянулся¹⁰. Вартерисович уехал по торговым делам со Львова и явился на суд только 24 апреля 1618 г. Там он предъявил написанное по-армянски (т. е. армянскими буквами, однако, по-видимому, на кыпчакском языке¹¹) письмо Ивашковича от 21 июля 1617 г.¹². Письмо, перевод которого рассматривался на заседании от 27 апреля 1618 г., подтвердило, что Вартерисович прав — и армяно-польский суд отказался рассматривать письмо Ивашковича как юридический договор (т. е. как инструкцию) —

⁸ Там же, с. 924—925.

⁹ Там же, с. 931—934.

¹⁰ Там же, с. 936, 942, 945—946, 947—948, 951—952.

¹¹ Характерно, что в польских и латинских документах XVI—XVII вв. тексты на армяно-кыпчакском языке как правило именуются „армянскими“. Это обстоятельство становится совершенно ясным при сравнении сохранившихся армяно-кыпчакских текстов с упоминаниями о них в административно-судебных книгах и других источниках того времени. Таким образом, упоминание в польских и латинских документах XVI—XVII вв. текстов на „армянском“ ни в коем случае не может само собою рассматриваться как свидетельство того, что в армянских колониях Речи Посполитой того времени употреблялся в качестве разговорного и актового языка армянский.

¹² ЦДІА, ф. 52, оп. 3, т. 521, с. 957—960.

в нем ничего не говорилось о каком-либо вознаграждении за сделку, которая должна была производиться в Константинополе¹³.

После этого дело снова неожиданно осложнилось. 7 августа 1618 г. в суде было прочитано письмо Якуба Бичакчи из Константинополя от 6 мая (старого стиля, т. е. 16 мая нового стиля) 1618 г., в котором тот заявил, что задержал шкурки как залог в счет долга другого львовского армянина Ивашка Ованисовича Кеворовича¹⁴. Через несколько дней, 14 августа 1618 г., возвратившийся из Турции Вартерисович предъявил свидетельство за подписью пятерых свидетелей от 26 июня (старого стиля, т. е. 6 июля) 1618 г.¹⁵ о том, что шкурки действительно хранились у Якуба Бичакчи как депозит, а не как залог, и что Вартерисович готов возвратить их Ивашковичу. В том же духе свидетельствовала канцелярия французского посла в Константинополе¹⁶. Армяно-кыпчакский текст свидетельства членов каравана Хачко Серепковича от 26 июня (6 июля) 1618 г.¹⁷ опубликован нами выше, в начале статьи. Современный этому тексту польский перевод свидетельства, также опубликованный нами выше, был внесен в книгу львовского армяно-польского суда 18 сентября 1618 г.¹⁸.

Еще несколько заседаний суда и, после того, как Вартерисович присягнул, что шкурки действительно находились в депозите, а не под залогом, и что он обязуется их вернуть (как только ему будет оплачена компенсация за все расходы по делу и высчитаны две пары шкурок, которыми оплачена пошлина) — дело закрылось 16 ноября 1618 г.¹⁹. Рысьи меха, пропутешествовав из Швеции во Львов и со Львова в Константинополь, из-за ссоры двух купцов пропутешествовали обратно из Константинополя во Львов.

Очень характерной чертой всего этого „судебного повествования“, записанного в книги львовского армяно-польского суда, является то обстоятельство, что при чтении материалов дела совер-

¹³ Там же, с. 960—964.

¹⁴ Там же, с. 1018—1020.

¹⁵ Таким образом выходит, что путешествие Вартерисовича из Константинополя во Львов длилось меньше чем полтора месяца.

¹⁶ ЦДІА, ф. 52, оп. 3, т. 521, с. 1033, 1060—1064.

¹⁷ Там же, оп. 1, спр. 863, арк. 7.

¹⁸ Там же, оп. 3, т. 521, с. 1061—1062.

¹⁹ Там же, с. 1067—1068, 1083—1084, 1096—1097, 1121, 1133.

шенно теряется ощущение тех больших расстояний, которые разделяли Львов и Константинополь. Рассмотрение подобного рода дел, действие которых происходило на территории нескольких стран, совершенно не являлось необычным для львовских административно-судебных учреждений первой половины XVII в. Несомненно, субъективное ощущение расстояний у купцов, занимавшихся восточной торговлей, уменьшало просторы и они не представлялись столь огромным, как это порой кажется современным исследователям, несколько модернизирующим условия XVII в.

Составленное в Константинополе на армяно-кыпчакском языке свидетельство бросает определенный свет на один уже ранее известный по литературе факт. Согласно исследованиям Э. Шюца²⁰, единственный, дошедший до нашего времени экземпляр армяно-кыпчакского молитвенника *Alyš bitik'iy* львовской печати 1618 г.²¹, который хранится в библиотеке Лейденского университета, попал в эту библиотеку „ex legato viri ampliss. Levini Warneri“²². Л. Варнер был голландским послом в Константинополе около 1662 г. Предположение, что он получил *Alyš bitik'iy* в Константинополе из рук армянина, владевшего кыпчакским языком, становится — в свете приведенного выше факта составления в Константинополе свидетельства на армяно-кыпчакском языке — на вполне реальную почву.

Еще несколько замечаний дипломатического порядка.

С точки зрения структуры документа, в нем определяется наличие следующих составных частей.

I. Вступительный протокол: 1. инвокация с упоминанием имени Бога; 2. датация с обозначением имени караван-баши (как будто по аналогии с именем государя!), места, дня и месяца составления документа; 3. сокращенная интитуляция, с указанием на то, что перечень имен составителей дается в эсхатоколе; 4. инскрипция с обозначением имени лица, для которого предназначен документ.

²⁰ E. Schütz, *An Armeno-Kipchak Print from Lvov*, „Acta Orientalia“, XIII, 1962, fasc. 1—2, с. 123—130.

²¹ О львовском армянском и кыпчакском книгопечатании см. Я. Р. Дашкевич, *Вірменське друкарство на Україні*, „Український історичний журнал“, 1966, № 12, с. 132—134.

²² E. Schütz, *op. cit.*, с. 125, 127.

II. Контекст: 1. наррация с определением причины составления документа (просьба Вартерисовича) и показаниями пятерых свидетелей о заявлениях Харахаша Челеби, Якуба Бичахчи, Ивашка Вартерисовича и действиях, предпринятых ими в Константинополе; 2. corroborация с упоминанием заверяющих подписей; 3. повторная датация — место, день, месяц и год составления документа.

III. Эсхатокол: 1. подписи составителей.

Столь развернутая структура частного армяно-кыпчакского акта является лишним свидетельством того, что уровень оформления документов типа свидетельства (в материалах суда документ этой категории определяется именно как свидетельство — *testimonium*) достиг высокого уровня — равноценного тому уровню, которого достиг к тому времени польский или украинский документ такого же типа.

В языковом отношении опубликованный кыпчакский документ, несмотря на свою краткость, заслуживает особого внимания. Как уже сказано выше, впервые при исследовании армяно-кыпчакского языка имеем дело с текстом, написанным на территории Османской империи. В связи с этим возникает сразу же вопрос: повлиял ли этот факт и в какой именно степени на язык текста, на его грамматику и лексику? В действительности такое влияние вне всякого сомнения.

Важное значение имеет этот текст для фонологии армяно-кыпчакского языка, особенно для столько раз — однако без окончательных выводов — дискутируемой проблемы существования в данном языке палатальных *ö* и *ü*. Как известно, некоторые исследователи все еще не убеждены в существовании этих фонем, другие — готовы видеть в немногочисленных зарегистрированных примерах разложение палатальных гласных *ö*, *ü* на палатальный элемент и велярные гласные *o*, *u* (так как это наблюдается в западнокараимском языке) или же прямое влияние османского. Некоторые примеры, содержащиеся в нашем тексте, как *türk*^{*}, как будто говорят в пользу последней гипотезы. Но другие показывают, что это явление ограничивается лишь первым слогом: *dıngul* (= *dügöl*), *gımruk*^{*} (= *gümruk*^{*}). Сравни также другие примеры, приведенные Э. Шюцом²³.

²³ E. Schütz, *An Armeno-Kipchak Chronicle on the Polish-Turkish Wars in 1620—1621*, Budapest 1968, с. 97.

Морфологические формы языка текста хорошо известны за исключением деепричастия на *-gaçoх*, которое только один раз встречается в издании *Каменецкой хроники* (*converbum prioritatis*, Э. Шюц, *op. cit.*, с. 113).

В лексикальном плане текст приносит ряд слов, в первый раз засвидетельствованных для армяно-кыпчакского языка. Имеются ввиду слова тюркского или арабского происхождения, или же заимствования из других языков при славянском посредничестве, как *abıntayır ét-*, *atéstaciya*, *dalal*, *francusk'i*, *mušteri*, *rèyin*, *šlama* и некоторые другие.

Для определения понятия „Бог“ армяно-кыпчакский всегда употребляет, почти без никаких графических или фонетических изменений, древнетюркское слово *t'èngri*. В рассматриваемом тексте находим вариант с задней гласной (*t'angri*). Влияние окружающей османской среды привело к употреблению, в разговорном выражении, слова *allay*. Влияние южного элемента видно также в таких словах как *vè* (обычно *da*), *bèn*, *bènim* (обычно *mèn*, *mènim*).

Два географические названия, а именно *Stımbol* 'Стамбул' и *Asta* 'Яссы', известны по текстам, ранее изданным Ж. Дени и Э. Шюцом.

Заслуживают внимания также личные имена тюркского происхождения как *Biçak'çi* (производитель ножей, торговец ножами или прозвище) или *Xaraxaş Çelebi*.

Глоссарий

abıntayır ét- подвергать себя авантюрам; 22
al (*alın*) перед; 19, 30
al- брать; 10, 15, 21, 22, 29
alayox такой-же 23
alay-žè так, таким именно образом; 16
allay Бог, Аллах; 16
amanat депозит; 10, 12, 16, 18
anun a[sdudžö]y в имя Господнее; 1
artıx больше; 22
aşaya внизу, ниже; 3

at имя 31

atëstacia, atëstaciya, atëstaciia, atëstaciya, atëstaciia аттестат; 5, 29, 33, 34, 35—36

aval (как) первый, прежде, прежде всего; 9, 26

ayaх см. *k'ietar ayaх*

ayt- сказать, рассказывать; 12, 14, 15, 21

bar есть, находится, имеется; 23

bar- идти, уходить; 28

barça все, всё; 2

baş начальник; 2

bën (bënim, bëndä) я; 12, 14; ср. *mën*

bër- дать, отдать; 4, 9, 13, 18, 22

biçaxçi ножовник, см. Собственные имена, *jakub biçaxçi*

bil- знать 16

bila с, вместе; 4, 24, 30

bir один; 26

bitik' письмо, бумага, грамота; 13

biz (bizim, bizni) мы; 3, 6, 17, 19, 21, 24, 27, 29, 30

bütnost присутствие; 17, 27

bol- быть, стать; 26, 30

bu (bunu, bunda) этот, это; 5, 23, 27, 29, 33, 35

bu xadar столько; 27

bul- находить; 10

bu turlu так, таким образом; 11

çax время; как раз; пока; 13

da и, также; 10, 12, 19, 20, 22, 25, 27, 28

datal, dalla(l) посредник, маклер; 8, 17

d[é]r титул священников; 25, 32

dir, dir, dur есть, бывает; 14, 15, 27, 29

d[iar]n Господний; Божий; 3, 31

diugul не; 12, 16, 29

d[ž]u]ft пара; 18

džuvap bër- ответить, дать ответ; 26

el'z nong (лат. ex nunc) с этого момента, сразу; 19—20

elçi посол, посланник; 28

elt- отослать, увести; 22

evët да, так; 14, 16, 29

francusk'i французский; 28

gümruk', gümruk' таможня; таможенная пошлина, мыто; 22, 23

goroncüy instanciya èt- обращаться с горячей настойчивой просьбой; 6
instanciya см. *goroncüy instanciya èt-*

išit- слушать, выслушать; 28

ian сторона; 21

iazil- быть написанным, подписанным; 4, 30

iëbër- посылать, послать; 24

ioçari вверху, выше-; 16

ioldaş товарищ, спутник; 3

k'arvan караван; 2

k'i что, который, когда; 9, 10, 11, 13, 14, 15, 24, 25, 28

k'imsa кто-то, некто, кто-нибудь; 12

k'iši человек, лицо, особа; 24

k'iel- прийти, приехать; 3, 6, 13

k'ietir- приносить, принести, привести; 7

k'iendi, k'iensi сам, свой; 13, 19

k'iensi см. *k'iendi*

k'ierak' нужно; 22

k'ietar ayaх в последний момент, (как раз) перед отъездом; 24

k'la- (*k'liëdi*) хотеть; 14, 23, 27

k'onu правда; 13

xabul èt- принимать; 23—24, 27

xaçirmaх уклонение; 23

xadar см. *bu xadar*

xaxam раввин; 28

xaldir- просить, (велеть) оставить; 12

xat при, у, наряду; 7

xaysi который; 8, 11

xol рука; 4, 15, 30

xol- спрашивать, требовать; 10

xoltxa просьба; 6

xorç- бояться; 15

mën (manga, mëndan) я; 9, 13—14; 15, 22

mianovanüy упомянутый; 17

muštëri покупатель, клиент; 10

na и, и вот; 15

natënças в то время; 2

në что; 24, 30

něčik' как, так как; 2, 26
oddāt èt- отдавать, возвращать; 19, 21
oylu, ohlu см. *oyul*
oyul, ohul сын; 5, 20, 25, 32, 33, 34, 36
ol (anin, anda, andan, alar) он; 6, 13, 14, 19, 23, 28, 29
ol-žè он сам; 26
p[a]n господин; 5, 9, 14, 20, 25, 26
pod sumniènièm ручаясь совестью; 9
près to вследствие того; 26
princīpal принципал; 19
rèyīn залог; 12, 15, 16
sat- продавать; 10
songra после, потом; 18, 21, 28
šayitlīx bér- давать свидетельские показания; 17
šlama мех (для оторочки); 11, 14, 18
t'angri Господин Бог; 10
tanīx свидетель; 32, 33, 35, 36
tanīxlat- просить засвидетельствовать; 24
tanlan- быть избранным; 3
tēk' но, только; 16
t'ēk'rar снова, вторично; 24
tīurk' турецкий; 15
tora закон; 15
turlu разный, всякий. См. *bu turlu*
učin для, ради; 13, 30
upominat èt- делать замечания, наказывать кому, уговаривать; 25
usna на, над; 6
vè и; 8
vlasnī, vlasnīy собственный; 4, 30
zaman время; 2
zarar вред, ущерб; 26
žèznat èt- признать, засвидетельствовать; 11
žèznavat èt- свидетельствовать; 4
zobrat èt- собирать; 7

Собственные имена

Almulīy Sasanik'o 8
Anastas 20

Avèdik'oviç см. *Awèdik' Avèdik'oviç* и *Misk'o Awèdik'oviç*
Awèdik' Avèdik'oviç 14
Čèlèbi см. *Xaraxaş Čèlèbi*
Diradur ohlu см. *Gurīey Diradur ohlu*
Grèsk'o 25
Grisk'o d[è]r Luk'aš ohlu 32—33
Gurīey Diradur ohlu 35—36
Holub 26
Holub oylu 20
Isak' Uri 8
Ivašk'o 5, 9, 12, 19
Iakub Biçaxçi 7, 11, 18
Iakub oylu Vartèrisoviç 5
X[a]čk'[o] Sèrèpk'[o]viç 2, 25
X[a]čk'[o] Mik'laš oylu 32
Xaraxaş см. *Xaraxaş Čèlèbi*
Xaraxaş Čèlèbi 7, 9
Luk'aš см. *Grisk'o d[è]r Luk'aš ohlu*
Luk'aš oylu 25
Madžarik'o 8
Mik'laš oylu см. *X[a]čk'[o] Mik'laš oylu*
Misk'o Awèdik'oviç 20
Misk'o Iv[ašk'o] ohlu 34
Pètrè ohlu см. *Vartik' Pètrè ohlu*
Sasanik'o см. *Almulīy Sasanik'o*
Sèrèpk'[o]viç см. *X[a]čk'[o] Sèrèpk'[o]viç*
Uri см. *Isak' Uri*
Vartèrisoviç см. *Ivaško* и *Iakub oylu Vartèrisoviç*
Vartik' Pètrè ohlu 32

Географические названия

Asta Яссы; 23
Stīmbol, Stīmb[ol] Стамбул; 3, 6